

дошла до нас лишь в эпитамах, но, так или иначе, стремление автора к объективности, примеры сопоставления различных версий событий прослеживаются лишь до LIV книги. Что же касается повествования Диона о преемниках Августа и последующих правителях, то оно в значительной степени политизировано и выдает пристрастность автора в трактовке широкого спектра исторических сюжетов [7, С. 16].

Рассмотрим еще один пассаж, содержащий рассказ автора о его творческом пути и истории создания его *opus magnum*:

"За этим последовали войны и великие неурядицы в государстве, составить описание которых меня побудило следующее. Я написал и опубликовал небольшую книгу о вещих снах и знамениях, которые внушили Север у надежды достичь императорской власти, и отправил ее Северу, а тот, прочитав ее, ответил мне большим и похвальным письмом. Это послание я получил уже поздним вечером, а затем лег спать, и во сне божество повелело мне написать историю. Поэтому я и составил сочинение о тех событиях, на которых сейчас остановился. А поскольку оно очень понравилось и всем остальным, и самому Северу, мне захотелось написать обо всем прочем, что касается римлян. По этой причине я решил не оставлять упомянутое сочинение в виде отдельной книги, а включить его в эту работу, чтобы в одном-единственном историческом труде было сделано и осталось после меня описание всех событий с самого начала и до того момента, который будет угодно назначить Судьбе. Эта богиня укрепляет меня в намерении писать историю: когда меня охватывает робость или нерешительность, когда я устаю и готов всё бросить, она внушает мне свою волю через сны, подавая мне прекрасные надежды на то, что в будущем моя история сохранится и никогда не поблекнет. В ней я, кажется, обрел строгую надзирательницу над тем, какую жизнь я веду, и поэтому я посвятил себя этой богине. Я десять лет собирал сведения обо всех деяниях римлян с самого начала и до кончины Севера и еще двенадцать лет писал свою работу. Что

касается последующих событий, то о них тоже будет написано, вплоть до того момента, до которого мне удастся довести мою работу" (LXXII. 23. 1–5).

В данную версию перевода можно внести следующие уточнения. Во-первых, πόλεμοι καὶ στάσεις ("войны" и "неурядицы"), о которых говорится в первом предложении, можно перевести как "войны" и "усобицы" (ср. англ.: civil strife [1, V. 9. P. 117]), ибо автор имеет в виду гражданские войны 90-х гг II в. Во-вторых, в параграфе 2 прочтение "написать" (γραφῆναι) историей дается по рукописи Codex Vaticanum, тогда как в современных изданиях предпочтение, как правило, отдается варианту γράφειν, т.е. "писать историю". Таким образом, данную фразу можно трактовать по-разному: божество либо повелевает Диону создать конкретное сочинение, либо призывает его стать историком. В третьих в параграфе 4 сказано, что Дион временами "устает" и "готов все бросить". Глагол πορεύω, действительно, чаще всего переводится как "уставать", но есть еще одно значение – "плохо себя чувствовать, болеть". Возможно, в данном случае больше подходит именно это значение, ибо Дион неоднократно упоминает о своих проблемах со здоровьем (LXXX. 1. 2; LXXX. 5. 2), имевших место в тот период, когда он наиболее активно трудился над "Римской историей" [6, С. 154].

1. Dio's Roman History with an English translation by E. Cary on the basis of the version of H.B. Foster. In nine volumes. – L.–N. Y., 1914–1927.
2. Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. – Stuttgart, 1994.
3. Hidber T. Cassius Dio // Narrators, Narratees, and Narratives in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative. Volume One / ed. I. de Jong, R. Nünlist, A. Bowie. – Leiden; Boston, 2004. P. 187–200.
4. Millar F. A Study of Cassius Dio. – Oxford, 1964.
5. Автобиографические фрагменты и свидетельства / пер. с древнегреч. К. В. Маркова, А. В. Махлаюка; вступит. ст. и коммент. А. В. Махлаюка // Из истории античного общества. – 2008. – Вып. 11. – С. 235–266.
6. Марков К. В. К вопросу о хронологии работы Диона Кассия над "Римской историей" // ВДИ. – 2008. – № 2. – С. 142–154.
7. Марков К. В. Концепция идеальной монархии в "Римской истории" Диона Кассия: дис. ... канд. ист. наук. – Н. Новгород, 2007.

Надійшла до редколегії 13.03.12

А. Мартынов, асп.
(г. Донецк, Украина)

АННЕКСИЯ КИРЕНАИКИ РИМОМ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭВОЛЮЦИИ РИМСКО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ К НАЧАЛУ I ВЕКА ДО Н.Э.

Статья посвящена проблеме межгосударственных отношений между Римской республикой и птолемеевским Египтом к первой половине I в. до н.э. Анализируется процесс римской аннексии владений Птолемея в Киренской области, в общем контексте внешней политики Рима на эллинистическом Востоке. На примере Киренаики данное исследование обобщает политику Рима в отношении его египетских союзников – династии Птолемея.

The article is devoted to the problem of the interstate relations between the Roman republic and Ptolemaic Egypt to the half 1st century BC. There is analysed process of the Roman annexation of the Ptolemaic possessions in the Cyrena region in general context of the Rome's foreign policy in the Hellenistic East. Present studying sum up the policy of Rome concerning its Egyptian allies – the Ptolemaic dynasty on example of the Cyrenaica.

Союзнические отношения между Римской республикой и царством Птолемея являлись существенным фактором геополитической стабильности на эллинистическом Востоке и обеспечивали выгодную для Рима международную конъюнктуру. В период становления Римской средиземноморской державы (III–II вв. до н.э.) цари Птолемеи постоянно обеспечивали нейтралитет Египта в конфликтах Рима с другими державами, что объективно способствовало утверждению римского доминирования на Востоке и уже к середине II века до н.э. привело либо к ослаблению эллинистических государств (Сирия, Вифиния, Родос), либо к превращению их в римские провинции (Македония, Пергам, Фригия). Как отметил известный специалист по античности М.И.

Ростовцев, римское вмешательство в дела Востока проходило поэтапно, но именно разгром Македонской державы привел к тому, что "протекторат Рима практически превратился в мягкую форму господства. ... Рим подобным же образом поступил с греческими городами и эллинистическими монархиями, как с вассалами, которые должны были подчиняться его приказам" [6, с.7]. Соответственно территориальному росту Римской республики в Средиземноморье эволюционировали и римско-египетские отношения.

Первоначально Рим и Египет являлись равноправными союзниками, это было паритетное партнерство двух великих держав. Ещё в 273 г. до н.э. царь Птолемей II Филадельф, под впечатлением блестящей побе-

ды Рима над эфирским правителем Пирром, сам предложил Риму, владеющему уже всей Италией, заключить дружественный союз (Liv. Per., 14; Cass. Dio. X, 41). Однако затем, по мере социально-экономического кризиса эллинистического Египта и не в последнюю очередь вследствие изнурительных династических войн между Птолемеями и царившими в Сирии Селевкидами, Птолемеи постепенно оказались во внешнеполитической зависимости от Рима, который превратился из союзника в своеобразного протектора. Именно Рим восстановил суверенитет Птолемеев во время вторжения в Египет сирийского царя Антиоха IV (168 г. до н.э.), одной дипломатической угрозой заставив Антиоха покинуть Египет (Polyb. XXIX; Liv. XLIV, 19). Египетские правители вынуждены были униженно благодарить римский сенат, обещая и далее сохранять союзнические отношения с Римом и следовать пожеланиям сената (Liv. XLV, 13). Геополитическим результатом событий 168 г. стал окончательный переход и Селевкидов, и Птолемеев в римскую сферу влияния. После выдворения Антиоха IV из Египта между царствовавшими братьями Птолемеем VI Филометором (старшим) и Птолемеем VII Эвергетом II (младшим) развернулась долгая династическая борьба, в которую активно вмешался римский сенат, сделавший ставку на управляемого младшего царя, который во всех отношениях уступал деятельному и гораздо более независимому Филометору (Polyb. XXXI, 18, 26-28; XXXII, 1, 8). Ещё при жизни Филометор вынужден был уступить младшему брату владение Кипром и Киренаикой, то есть всей Ливией, а после смерти Филометора Эвергет II стал царем всего Египта. Правление Птолемея VII (145-116 гг. до н.э.), как ставленника римлян и человека стало этапом дальнейшего укрепления римского влияния в Египте [13, с. 79-86]. Основным геополитическим последствием состоявшихся изменений в римско-египетских отношениях II века до н.э. стала утрата последующими Птолемеями своих владений в Киренаике, которая была аннексирована Римом в начале I века до н.э.

Целью настоящей статьи является обзор исторических обстоятельств рубежа II – I вв. до н.э., обусловивших интеграцию области Киренаики (Ливии) в состав Римской республики.

Прежде всего, следует отметить, что утрата суверенитета Птолемеев над их традиционными владениями в Ливии оказалась возможной лишь в результате династической борьбы между Птолемеем VI Филометором и его братом Птолемеем VII Эвергетом II, по окончании которой последнему при прямом вмешательстве Рима были выделены Кирена и Кипр. Именно тогда Эвергет II решил получить политическую страховку во время борьбы с Филометором и в 155 г. до н.э. составил специальное завещание, в котором обещал отдать своё царство Риму, в случае если его уничтожат соперники или он останется без наследников; искусная формула завещания позволяла искать защиты у Рима и гарантировать сохранение своей власти над Киреной, одновременно с этим устрашая александрийских царей [7, с.391-392]. Завещание стало первым в истории эллинистического Египта официальным актом, в котором представитель династии Птолемеев призывал Рим стать гарантом его политического суверенитета и при определенных условиях добровольно соглашался на административно-территориальное переподчинение своего наследственного владения Римской республике. Как отметил немецкий исследователь эллинизма Гюнтер Хельбль, завещание 155 г. создало прецедент в римско-египетских отношениях и повлияло на дальнейшую судьбу Киренаики [5, с.189]. Идея отторжения

Киренаики от александрийский Птолемеев под покровительственную опеку Рима согласно завещанию царя Эвергета II перестала быть актуальной после его воцарения над всем Египтом. Однако после смерти самого Эвергета II (116 г. до н.э.) в Кирене воцарился его сын Птолемей Апион, а между александрийскими царями-преемниками возникли новые междоусобицы. Именно эти обстоятельства побудили Апиона составить аналогичное завещание. Можно согласиться с французским историком эллинизма Франсуа Шаму в том, что ради сохранения своей власти Апион точно последовал примеру своего отца, но в результате этого Птолемеи лишились всей Ливии [3, с.141, 231].

Причина такого поступка Апиона, очевидно, состояла в том, что новый царь Кирены был побочным представителем Птолемеев, как указывает Аппиан Александрийский (App. Mithr., 121), поскольку родился от наложницы Эвергета II и получил Киренское царство по завещанию отца (Iustin. XXXIX, 5, 2). Таким образом, более "легитимные" александрийские Птолемеи могли оспорить царские права у Апиона, тем более что они враждовали даже между собой. Поэтому, как показывают нумизматические данные, Апион даже после смерти Эвергета II продолжал чеканить его монету, очевидно, желая таким способом подчеркнуть преемственность власти и свою верность политическому курсу родителя [1]. Как побочный сын царя, а не его законный наследник, Апион определенно нуждался в прочном идеологическом обосновании своей власти. Наконец, признание Римской республики своим политическим покровителем при помощи завещания стало для Апиона дополнительным и наиболее веским аргументом в пользу своего суверенитета от возможных династических соперников.

Античные авторы указывают, что после смерти Птолемея Апиона в 96 г. до н.э. Киренаика (Ливия) была завещана римскому народу, т.е. официально, согласно воле царя, отходила к Римскому государству (Liv. Per., 70; Eutrop. VI, 11, 2; Iustin. XXXIX, 5, 2). Об этом же говорится и в ранней христианской хронике св. Иеронима: *"Птолемей, царь Кирены, умер, и по своему завещанию оставил римлян своими наследниками"* (Hieronym. Chron. 171.2). Таким образом, с формально юридической точки зрения Рим получал в свою собственность, как "наследство", территорию "друга и союзника римского народа" (amicus et socius populi Romani), тем самым исполняя добровольный акт его царский воли. Следовательно, правившие в Александрии Птолемеи не могли иметь к своему римскому союзнику и протектору никаких формальных претензий.

К тому времени в отношениях Римской республики с эллинистическими государствами уже был создан прецедент "законного" отторжения суверенной территории на основании соответствующего завещания умершего царя – таким способом в 133 г. до н.э. Рим получил в "наследство" Пергамское царство по завещанию умершего царя Аттала III, которое, как можно предполагать, вполне могло быть и подложным [9, с.545-554]. Спустя два десятилетия, в 75 г. до н.э., царь Вифинии Никомед IV таким же образом завещал свое царство римскому народу (Liv. Per., 93; Eutrop. VI, 6, 1). Итак, сценарий инкорпорации в состав Римской республики двух богатых малоазийских эллинистических государств – Пергама и Вифинии, также как Киренаики, происходил на основании царского завещания. В данном случае не важно, были эти завещания подложными, или нет. Более существенно то, что Рим использовал этот довольно рациональный и перспективный сценарий аннексии бывших эллинистических территорий,

демонстрируя внешнюю преемственность государственной традиции. Но, в отличие от Пергама и Вифинии, которые были реорганизованы в провинции Рима почти сразу же после смерти местных царей, интеграция Киренаики в римскую государственную систему происходила в несколько этапов – около 20 лет; и только в 74 г. до н.э. ливийские земли Птолемея стали официальной римской провинцией. Возможно, продолжительный характер провинциализации Киренаики был обусловлен чередой внутривластных проблем, а затем и гражданских войн в самом Риме.

Первоначально римское правительство повело достаточно осторожную политику в отношении своего новоприобретенного африканского владения. Стремясь создать социальную опору в стране, сенат сразу же даровал свободу города Киренаики (Liv. Per., 70), среди которых были три важных центра – Береника, Птолемаида и сама Кирена (Eutrop. VI, 11). Неясно, какой была форма полисного устройства – аристократической или демократической, но вполне очевидно, что права Береники, Птолемаиды и Кирены были расширены более, чем это допускали Птолемеи. Как подчеркивал английский историк эллинизма Вильям Тарн, греческие полисы во внешних владениях Птолемея были всецело подвластными городами, они облагались налогами и управлялись назначенными царскими эписитами [11, с. 169]. Однако, несмотря на столь радушный жест сената, даровавший автономию полисам Киренаики. Рим сразу же стал извлекать экономические прибыли из Киренаики. В связи с этим американский антиковед Тени Франк даже усомнился в подлинности завещания Апиона, отмечая, что Кирена была чрезвычайно богата, и сенат продолжал собирать ещё царскую подать, отправляя её в Рим натурой [4, с. 273]. Так продолжалось вплоть до 74 г. до н.э., когда одновременно с реорганизацией Вифинии, римляне создали провинцию в Кирене, которая в 67 г. до н.э., после завоевания Крита, была ещё раз реорганизована в общую провинцию "Крит и Киренаика".

О создании киренской провинции упоминается в сохранившемся фрагменте "Истории" Гая Саллюстия Криспа, где речь идет о событиях 75/74 г. до н.э. Саллюстий сообщает: *"и Публий Лентул Марцеллин, по его же свидетельству, был послан в качестве квестора в новую провинцию Кирену, переданную нам по завещанию скончавшегося царя Апиона, что была дальновиднее, чем удерживать её властью царя, менее жадного до славы"* (Sall. Hist. II, fr. 43). Данный фрагмент Саллюстия позволяет не только установить хронологию образования провинции Киренаика, но и определить отношение римлян к данному территориальному приобретению. Прежде всего, необходимо отметить, что наместником в Кирену был назначен не проконсул или претор, что стало обычной практикой для римской провинциальной политики уже в эпоху Пунических войн, а просто квестор. В государственной иерархии Римской республики квесторы были второстепенными, вспомогательными магистратами и ведали преимущественно казначейскими делами – как городские (римские), так и провинциальные квесторы [10, с. 136-137]. Как рассказывает Цицерон в трактате "О законах" (III, 3, 6), *"младшие магистраты с меньшими правами"* исполняли разные обязанности при высших магистратах, при этом, как говорит Цицерон (III, 3, 8) полной самостоятельной властью (*imperium*) обладали преторы, судьи и консулы. Таким образом, назначение в Кирену квестора Лентула Марцеллина, не обладавшего империем высшего магистрата (претора или консула) может свидетельствовать, что сенат не придавал приобретенной ливийской территории статуса преторской или

консульской, т.е. стратегической провинции (как, например, Испания или Македония). Однако необходимо учесть, что Лентул Марцеллин был направлен в Кирену квестором не при преторе, а самостоятельно, т.е. имел расширенные полномочия. Кроме того, в Киренаике было всего три крупных города (Кирена, Береника и Птолемаида), которым сенат уже предоставил "свободу" (*libertas*). В рамках тогдашней провинциальной политики Рима этот поступок сената означал, что Кирена, Береника и Птолемаида, как "свободные гражданские общины" (*civitates liberae*) не подлежали военной оккупации и получали собственное судопроизводство на основании автономных законов. Вероятно, именно это обстоятельство административного свойства послужило причиной назначения в Киренаику не обычного претора, а квестора, который должен был исполнять главную функцию римского администратора – обеспечивать регулярный сбор натурального налога и его доставку в Рим, попутно осуществляя общий контроль над провинцией. Как заметил исследователь А. Ейне (ГДР), область Кирены была плодородной и поставляла много хлеба, но её главным богатством считалось растение сильфий, которое из-за своих лечебных свойств ценилось в древности на вес золота [8, с. 216]. В связи с этим вполне логично делегирование сенатом в Кирену квестора, чья компетенция в большей степени касалась налоговых и казначейских вопросов.

В кратком рассказе Саллюстия о присоединении Киренаики небезынтересно также отметить явный намек римского историка на то, что передача данной территории под управление римлян была более дальновидной, чем оставление её под властью царя, который, по словам Саллюстия, не был *"жадным до славы"*. Здесь необходимо учитывать особенности историко-политического мировоззрения Саллюстия, который считал обязанностью римского народа разумное и славное ведение военных и государственных дел [12, с. 232-233, 236]. Излагая свою историческую концепцию римской истории, Саллюстий хвалит политику предков эпохи ранней и средней республики за такие качества при управлении государством, как храбрость на войне и справедливость после заключения мира (Sall. Cat. 9, 3). В то же время Саллюстий порицает своих современников за то, что те *"преступнейшим образом отбывают у союзников всё, что храбрейшие мужи как победители им когда-то оставили"* (Sall. Cat. 12, 5). Таким образом, признавая произвол римской провинциальной политики в I в. до н.э., Саллюстий, следуя своей концепции римского патриотизма, тем не менее считал присоединение Киренаики к Риму более прогрессивным, чем её пребывание под властью царя Птолемея. Разумеется, этот пассаж является мнением прежде всего самого Саллюстия как историка и политика, однако вполне очевидно, что интеграция Киренаики в состав Римской республики должна была сопровождаться аналогичной "информационно-пропагандистской кампанией". И Пергам, и Вифиния, и Кирена официально были присоединены к Риму именно во исполнение последней воли их монархов – "друзей и союзников римского народа". А сам факт официального "дарения" указанных территорий Риму их царями способствовал идеализации союзнических отношений между Римской республикой и эллинистическими монархами, что само по себе придавало мирный и неагрессивный характер римской внешней политике на Востоке.

В любом случае, после смерти царя Апиона Киренаика стала частью римского мира (*pacis Romanae*), что являлось важным историческим сигналом для Птолемея и одновременно явилось свершившимся геополитическим фактом. Исследователь эллинизма Эдвин

Бевэн охарактеризовал сложившуюся в регионе ситуацию следующим образом: "Это был первый кусок наследства дома Птолемея, проглоченный Римом... Квестор с преторскими полномочиями сменил в Кирене царевича великого македонского рода, что правил здесь двести двадцать шесть лет. Для Птолемея, которые пока царствовали в Египте, Рим стал неудобным соседом в 500 милях к западу от Александрии" [2, с.332]. Развивая мысль Э. Бевэна, укажем, что римские легионы вполне могли преодолеть это расстояние, так что в случае обострения отношений с Египтом римляне могли сконцентрировать в Киренаике какое угодно количество армии и флота и перебросить силы к Александрии по морю. Контроль над морским торговым путем тоже попал в руки римлян. Стратегическая ситуация круто изменилась, и не в пользу Египта. К середине I в. до н.э. Птолемеи были блокированы римскими владениями и с запада, и с востока. Ослабление Птолемея и Селевкидов, как рассказывает историк Юстин (XXXIX, 5, 4-6), привело к активизации набатейских арабов в Леванте.

Обобщая произошедшие в Ливии административные и политические изменения, следует признать, что аннексия Киренаики стала первым серьезным ударом Рима по суверенитету и территориальной целостности эллинистического Египта. В известной степени отторжение Киренаики в пользу Рима было спровоцировано династическими распрями Птолемея, которые в лице

своих представителей Эвергета II (Фискона) и Апиона признали Рим главным гарантом своего суверенитета и тем самым сделали возможным легализованное отторжение Киренской области на основании царского завещания, в духе аналогичной римской практики в Малой Азии. Аннексия Киренаики Римом происходила поэтапно, от состояния полисной автономии до учреждения провинциального статуса. В целом же утрата Птолемеями Ливии представляла собой серьезный геополитический факт и знаменовала дальнейшее укрепление Рима на Ближнем Востоке, в том числе за счет римских "друзей и союзников".

1. Ancient Coinage of Kyrenaica. — Available from: <http://www.wildwinds.com/coins/greece/kyrenaica/i.html>.
2. Bevan E. The House of Ptolemy. — L.: Methuen Publishing, 1927.
3. Chamoux F. Hellenistic civilization. — Oxford: 2002.
4. Frank T. Roman Imperialism. — N.Y.: Macmillan, 1914.
5. Hölbl G. History of the Ptolemaic empire. — L., Routledge, 2001.
6. Rostovtzeff M. The social and economic history of the Roman Empire. — Oxford: The Clarendon Press, 1926.
7. Жебелев С.А. Манифест Птолемея Киренского // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. № 5. — Л.: 1933.
8. Эйне А. Дельфы, Кирена и Птолемеи // Вопросы истории. — 1971. — № 2.
9. Колобова К.М. Атталь III и его завещание // Древний мир. Сборник статей в честь академика В.В. Струве. — М.: Наука, 1962.
10. Римские древности. / Н.Санчурский. — Смоленск, 2001.
11. Тарн В. Эллинистическая цивилизация. — М., 1949.
12. Утченко С.Л. Развитие политических воззрений Саллюстия ("Письма к Цезарю" - "История") // Вестник древней истории. — 1950. — № 1.
13. Юрєва В.В. Активизация римской политики в Египте во второй половине II в. до н.э. // Вестник МГУ, серия История. — 1974. — № 5.

Надійшла до редколегії 13.03.12

О. Петrenchко, докт. іст. наук
(м. Дрогобич, Україна)

ПОХОВАЛЬНИЙ ОБРЯД РИМЛЯН ТА ЙОГО ЕВОЛЮЦІЯ У ДОБУ ПРИНЦИПАТУ

Стаття присвячена поховальному обряду римлян та його еволюції у добу принципату.

This article considers the Roman's funeral rites and their evolution under the Principate.

Віра у загробне життя є обов'язковим атрибутом релігійної самосвідомості людини. З вірою у потойбічну дійсність безпосередньо пов'язаний поховальний обряд, що мав багато спільного у римлян, етрусків та греків [3, р. 193]. Він складається зі способу захоронення останків покійного та ритуальних дій, що супроводжують цей процес. Саме віра у потойбічний світ зумовлює важливість поховального ритуалу. Неналежне захоронення, як і недбале виконання ритуальних дій, на думку римлян, створювало перешкоди для душі покійного, на шляху від світу живих до царства мертвих. Душа такого померлого поневірялася навколо, згубно впливаючи на оточуючих. Тому обрядам, що супроводжували поховання, приділялася велика увага. Якщо не було можливості поховати тіло, споруджували так звані "кенотафи" (κενотάφιον) чи "порожню могилу" (tumulus inanis), біля якої проводили поховальну церемонію. Коли тіло було поховане на чужині і родичі не мали можливості бути присутніми на похороні, вони відвідували могилу згодом, вшановуючи померлого жертвоприношенням. Катулл подолав багато морів (multa per aequora), щоб вклонитися могилі брата (Catull. Cl, 1).

Існує думка, що у Стародавньому Римі не було строгих канонів поховального ритуалу, як не було їх в античному світі загалом [12, с. 63, 108]. Справді, поховальний обряд міг відрізнятися, виходячи з соціального чи матеріального становища покійного. У той час, як Проперцій стверджує: "Мани існують" (Sunt aliquid Manes) (Prop. IV, 7, 1), освічена меншість дивиться на вірування темного натовпу (ιδιώτης ὄμιλος) з великою іронією (Lucian, Luct. 2). Але певні елементи поховальної церемонії були майже незмінними за будь-

яких обставин. Деякі з них збереглися до наших днів, наприклад, запалювання свічок навколо ложа померлого чи оздоблення місця поховання квітами.

Комплекс проблем, пов'язаних із вірою римлян у загробне життя, є одним із найбільш непевних у римській релігії. Свого часу О. Штаєрман справедливо звернула увагу на цю обставину, акцентуючи увагу на невизначеності сутності бога підземного царства Ведівіса та манів, їх зв'язку з богинею Манією, ларвами, лемурами [14, с. 71]. Контроверсійною є і проблема поховального обряду в Римі [7, р. 191]. Сцени, що зображують поховальний обряд, зустрічаються у античному мистецтві як винятки. Непевною є етимологія слова *funus* [3, р. 194]. Дискусійним є питання щодо використання ламп і свічок під час церемонії урочистого прощання з тілом покійного (англ. — *Lying in state*, нім. — *Aufbahrung*) [8, р. 151]. Дослідження проблем, пов'язаних із поховальним обрядом у Стародавньому Римі, має важливе значення для розуміння давніх пережитків і вірувань. В українській історіографії дана проблема не розглядалася.

За уявленнями стародавніх римлян, між світом живих і світом мертвих, так само як між богами та людиною, не існує неподоланного бар'єру. Римська традиція стверджувала, що Венера була матір'ю Енея, Марс був батьком Ромула і Рема. Звичайно, освічені римляни скептично сприймали перекази про приєднання Ромула до числа небожителів чи родинні зв'язки між богами та окремими людьми. Проте, Варрон визнає корисним для держави, щоб "відважні мужі" (*virī fortes*) уважали себе народженими від богів (August., de civ. D. III, 4). За найдавнішими віруваннями римлян, після смерті, душі ставали молодшими божествами — манами (*manes*), покровителями